

Олег Назорнов

БЕГ САЛЬВАДОРА

Олег Нагорнов

Бег Сальвадора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17408650

Аннотация

«Бег Сальвадора» – новый сборник рассказов Нагорнова Олега, пишущего легкую, но в то же время философскую прозу. В этой книге вас ждут небольшие рассказы, сюжетные зарисовки, которые, несмотря на небольшой объём, содержат удивительно глубокие истории. В книге собраны разные тексты, написанные автором в разное время, но абсолютно во всех произведениях затронуты серьезные темы, часто показанные автором с совершенно неожиданной стороны.

Содержание

Словосочетание	4
1. Вступление	4
2. Пуговица	6
3. ОН и ОНА	8
4. Литературное общество	12
5. Словосочетание	17
Соавторы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олег Нагорнов

Бег Сальвадора

Словосочетание

1. Вступление

В словосочетании «сумасшедшая дура», которым нередко клеймили меня, нет никакого смысла. Когда-нибудь я расскажу об этом подробнее, сейчас же ограничусь кратким изложением своей жизненной позиции, побочным эффектом которой стал столь нелестный эпитет. Я действительно «сошла с ума» – отошла в сторонку от железной дороги «всеобщего разумного движения вперед». Мне интереснее идти собственной тропинкой. Люди, выглядывающие из спальных или купейных вагонов, заметив меня, обычно кричат что-нибудь обидное. Пассажиры плацкарта смотрят с сочувствием. Со временем я научилась не слышать первых и не замечать вторых. Поэтому меня не очень волнует гражданская позиция машинистов и текущее вероисповедание состава. Плевать на летящие из окон жестяные банки из-под пива. Как-то меня даже попытались затащить в поезд, но я отбилась. Нельзя сказать, что нам не по пути, но я завершу свое ма-

ленькое путешествие на своей тропинке, в своем лесу. С колючими ветками, солнечными полянами, и редкими попутчиками. А сейчас я показываю монитору язык и иду спать.

2. Пуговица

В детстве я молилась перламутровой бабушкиной пуговице. Я была хорошей девочкой, настоящей пионеркой, и активно занималась спортом. Хорошо училась. И к всеобщему «неверию в бога» относилась абсолютно спокойно, чему способствовало воспитание в семье атеистов. Но по ночам, когда никто не мог мне помешать, я открывала ящик белорусского серванта, где хранила всякую драгоценную мелочь, и доставала свою маленькую икону. С пуговицей на ладошке я подходила к окну, открывала штору, и просила, обращаясь к звездам. Я просила бессмертия для бабушки, мамы и брата. Может быть, что-то еще, но запомнилась мне только эта «молитва», по форме скорее напоминающая мантру. Перламутровая пуговица была моим главным сокровищем. Я не стыдилась этого, но молчала в тряпочку. Это была моя пуговица. И только моя. Я родилась со своей верой в душе, бесформенной и бесконечной, а маленький фетиш помогал мне концентрировать и не терять ее. Я никогда не забуду блаженства, абсолютной уверенности, и материнского тепла, спускающегося ко мне с небес. Такое счастье может подарить только услышанная там молитва. Меня слышали, мне отвечали. Тогда мы были бессмертны.

Я не помню, когда потеряла пуговицу. Уж не выкинула ли я ее? Или она сама растворилась среди записочек, помады и

сигарет, поселившихся в том же ящике. Перламутровая икона исчезла, когда про нее забыли. Бабушка умерла, когда мне исполнилось семнадцать. На похороны я пришла со своим мальчиком, которого язык не поворачивается назвать первым мужчиной. Шла спокойно, отдать долг. Бабушка болела. Все были готовы. За два пролета до квартиры ноги подкосились. Пуговичка ушла вместе с молитвами и гарантиями, дарованными мне звездами. Осознание преступления пришло вместе с наказанием. Бабушка лежала холодная и неузнаваемая. И ни разу не взглянула на любимую внучку.

3. ОН и ОНА

– Помоги мне! – попросила я, – Последняя строчка не в дугу не идет.

ОН, как всегда, вздохнул. Ему не тяжело, ОН рад помочь, просто привычка такая – вздыхать. Может быть, со вздохом ОН выпускает отрицательную энергию, не нужную для творчества. А может быть это из-за того, что ОН много курит. Вздох получается нервным, резким. У плохо знающих его людей создается впечатление, что ОН злится.

– Слушай:

«Обругав подругу-осень нехорошими словами,
Нежно попрощавшись с ночью...»

– Утопился Мураками! – закончил ОН, вертя томик японца в руке.

– Дурак! – рассмеялась я, – Харуки – хороший мужик. Не понимаю, за что ты его так не любишь.

– Я его просто не знаю. Почитал немного – не понравилось.

– Странно. У вас, как мне кажется, много общего. Попробуй еще раз!

– Нет. Не интересно. Мне есть, что читать.

– Олег, ну нельзя же ходить по нарисованному кругу любимых писателей! Другие авторы – не ведьмы и не злые покойницы. Не будет ничего плохого, если они проникнут в

твой круг.

Да, его зовут Олег, а фамилия – Немов. Получается – ОН. А я – Ольга Николаевна Арзамасцева. ОНА. Так нас друзья и называют: ОН и ОНА. Вот.

– Мне не нужны покойницы! Если уж кого и пускать в свой круг, то пусть это будет Вий. Мне нужен автор, перед которым захочется упасть ниц, подергать за штанину и жалостливо попросить: «Научи!»

– Поэтому – Булгаков, Бах, Ефремов, Азимов... Скукота!

– Ничего подобного! – Олег усаживается на стол, закури-вает. Вздыхает! Точно, это от курения. – Перечитывая этих ребят десятки раз, ловишь себя на мысли, что некоторые главы совсем не помнишь. То есть совсем. Как будто не читал. Открываешь заново.

Делаю серьезное лицо, понимающе киваю: – Склероз удобная штука, однако!

Мы смеемся.

У него, и правда, много общего с этим японским писателем. Тот таскал на спине бедную тетушку. Олег носит крылья. Как у летучей мыши. Только большие и белые. Крылья мешают, не дают зайти в некоторые двери, с ними неудобно в транспорте, люди, не замечающие их, могут случайно повредить тонкие перепонки. Но ОН не может отказаться от крыльев. Сидя рядом в душном автобусе или в неуютном вагоне метро, чувствуешь, как он расправляет их, и улетает. Ты едешь одна, а твой спутник, который вроде бы рядом, уже

парит над землей. Или плывет на яхте. Или что-то откручивает у американского спутника-шпиона. У обладателей крыльев много дел. Очень много, если подумать. Но думать не хочется, хочется смеяться, курить и пить чай. Дописать стихотворение. И попросить опубликовать стихок под его именем. Потому что под своим – страшно. Последняя жестяная банка попала в цель. Нужна пауза.

Мы друзья, с любой буквы. Я не собственница, но в моем лесу подобные встречи не часты, поэтому я никуда его не отпущу. Конечно, есть еще «мариночки, вики, тани, светы», но это – так. Они мне не конкуренты, кроме Марины. Но Ринка – отдельная история, которую я рассказывать не буду. Сама расскажет. Есть еще, конечно, друзья – мужчины, но это совсем другое. А еще есть ОН и ОНА, и все, конец истории! Олег спокойно относится к моей антисоциальной тропинке, я – к его крыльям. Я знаю о его мечтах больше, чем он сам. Он читает мои мысли. Это ли не абсолютная близость? По сравнению с ней физический контакт – просто совместное посещение сауны.

– У вас было с ним что-нибудь? – хихикает общая, но неблизкая знакомая.

– О, да! – мечтательно закатываю глазки.

Через два часа звонок.

– Оль, ты зачем ей сказала, что мы с тобой спим?

Не злость, только недоумение.

– Никогда я такого не говорила! Честно. Ты мне веришь?

– Верю, – вздыхает он, – тебе – верю. Но больше так не шути!

Он интересен, он вызывает легкую, пьянящую ревность. Он что-то пишет, даже когда спит. Но рассказывая о своем друге, я все же говорю о себе. Я, как эльфийская принцесса, повествую о своих приближенных. Это – Великий волшебник, мой поклонник. Это – Царь гномов, тоже поклонник. Это – Кикимора, фрейлина. Этот, с крыльями, мой лучший друг. Никакого пренебрежения! Это женское. Это то, что не убьешь десятилетиями эмансипации.

4. Литературное общество

Неисповедимы пути Господни, но черт остроумнее. Моя рукопись попала на глаза одному человеку. Так себе рукопись, несколько глав «никогда не дописанного романа». Человеку, однако, понравилось. Он потащил листочки дальше, главному редактору литературного альманаха. Милой женщине-поэтессе, по совместительству главе одного маленького литературного общества. И заместителю председателя местного союза писателей. Милая женщина позвонила и пригласила к себе, в уютный кабинет, переполненный провинциальной поэзией и сигаретным дымом. Беседа протекала вполне мирно, передо мной рисовались радужные перспективы публикаций в альманахе и издания собственной книги. А так же членства в союзе писателей. Нельзя сказать, что я уж очень к этому стремилась, но было приятно! Да, именно приятно. Не более и не менее. В итоге я прислала еще несколько произведений, включая новеллы и стихи, а взамен получила приглашение на «заседание» этого самого литературного общества, с презентаций нового номера альманаха, чаепитием, а так же с возможностью познакомиться с самим Председателем союза писателей! Ну и, конечно, мне предоставлялась возможность поучаствовать в обсуждениях как чужих, так и своих произведений. Круто? Круто!

Начало было так себе. Из старенького стула торчал гвоздь.

Я порвала джинсы на заднице. Не сильно, но вполне достаточно, чтобы постоянно думать об этом. Писатели и поэты жались по углам, ждали «главных». Их было на удивление мало, всего несколько потертых молодых мужчин и явно учительниц начальных классов. К чему бы это? А потом из боковой двери вышла суровая женщина со стопкой свежего номера.

– Покупайте! – прикрикнула она на нас, – Покупайте альманах!

Мы дружно замолчали и посмотрели в окно.

– Покупайте! – настаивала она, – Писать надо так, как здесь! Читайте, учитесь!

Так вот где, оказывается, скрыты все секреты мастерства? Вот где абсолютное вместилище литературного таланта?! В провинциальном альманахе! А мы-то, дураки, все больше Толстого и Достоевского... Но поделиться было не с кем. Впрочем, и покупатель нашелся только один. Его как раз опубликовали в этом номере.

А потом пришли «главные». Чаепития не было! Нас, в итоге, собралось человек пятнадцать. Председатель не явился. Мы обсуждали стихи одной поэтессы. Долго, нудно, беспросветно. Хорошие стихи, но в интернете таких много, очень много. Но интернет уже называли «помойкой», так что свою осведомленность я благоразумно держала при себе. И вот мы все, по очереди, имели бедную женщину. Через поэзию. Она краснела, как школьница. Отбивалась, как могла.

Сражалась за каждую строчку, за каждое маленькое проявление себя. Известная художница, непонятно зачем здесь оказавшаяся, шептала про какую-то мерзость. Ее молодая знакомая все время рисовала нас в блокноте, что раздражало ужасно. Немолодой красавец-поэт, недавно издавший собственный сборник, пялился мне на грудь и откидывал назад отросшую челку. Мне дали слово. Я заступилась, мне было жаль ее. Хорошие стихи. Про родную землю и кочевые племена, когда-то жившие здесь. Нормально. Наконец, дошла очередь и до дебютантов. Слева от меня сидел здоровый дядька, краснолицый и опоздавший. Он принес стихи. Мне он понравился, хотя от randevу с ним в темном переулке я бы категорически отказалась. Брутальный такой поэт. А стихи принес хорошие. Про алые губы и фантазии поэта. Правда, хорошие. Только каждый из них почему-то хотелось закончить строчкой: «И за борт ее бросает в набежавшую волну». Времени оставалось в обрез, но милая женщина сунула мне в руки распечатку и попросила что-нибудь прочесть. Что-нибудь короткое. Я выбрала главу из романа, небольшую и емкую. Читала громко, с выражением. Это была, на мой взгляд, сильная глава. Про кающегося дьявола и глупого священника. Дочитала, подняла глаза. Зал молчал. Молчание затянулось до неловкости. Милая женщина спрятала глаза. Наконец, самая активная критикесса чужих стихов спросила, в каком жанре написано это произведение. Весьма озадаченная, я пояснила, что это глава из романа. Молчание. Первой

прорвало художницу.

– Ну, что вам сказать? – взвизгнула она вдруг, – Мерзость! Мерзость! Откуда у вас столько ненависти к священникам? Почему у вас дьявол хороший?!

Я глупо улыбнулась. Чем она слушала?

Благодарная поэтесса попыталась сгладить ситуацию, но ее заклевали. Я ничего не понимала. Заседание закрыли, творцы расходились. Художница обратилась ко мне:

– Скажите, вы человек верующий?

– Я человек верящий.

– А вы православная?

– Мне кажется, это мое личное дело.

– Вот, я так и знала! Православный человек никогда бы такое не написал!

– Да-да, – поддержала ее молодая спутница, – никогда бы не написал.

Объяснять, что я православная, не хотелось. Брутальный поэт, все еще сидевший на месте, вдруг наклонился вперед и стукнул себя кулаком в грудь.

– Я – православный! – глухо отрезал он.

– А я вижу, – заулыбалась художница, – я сразу поняла. Это же по лицу видно.

Я ржала в голос. Кто-нибудь может меня в этом упрекнуть? Кое-что, наконец, прояснилось. А милая женщина взяла меня за руку и тихонько напевала:

– Оля, ну зачем вы это-то прочли? Надо было что-нибудь

другое!

– Православное? – спросила я.

– Да! А то ведь многие могут подумать, что вы не русский писатель, а русскоязычный!

Вот теперь все понятно. До свидания. Надо ли говорить, что меня больше никуда не приглашали?

5. Словосочетание

Только один раз я пригласила его домой с вполне определенной целью – затащить в постель. Я думала об этом все неделю. Нельзя сказать, что я никогда не думала об этом раньше. Но это, скорее, были фантазии, а не планы. Когда ты безнадежно и долго одна, а возбуждение накрывает с головой, от фантазий трудно отбиться. А уж от тех, которые «табу» – тем более. Стараешься отвлечься, но вдруг ловишь себя на том, что уже поглаживаешь себя, представляя его. Но эта неделя была особенная. Я твердо решила и ему не отвертеться. Он не заметит ловушки, так как неоднократно ночевал у меня без всяких последствий. День рождения у подружки, мы немного выпили, и я пригласила его переночевать у меня. Одной скучно, страшно и одиноко. Делаем «глазки». Ну, кто устоит?!

И откуда взялась вдруг проклятая неловкость? Как легко планировать и фантазировать. Я даже воздерживалась от игр в стиле «соло». Какого черта мы сидим на кухне и напиваемся?

– Скажи мне какое-нибудь слово, а лучше – словосочетание, – просит он.

Самое время поиграть в шарady.

– Зачем?

– Увидишь.

– Трудный разговор.

– Что?

– Ты просил словосочетание. Вот оно. «Трудный разговор».

Он садится за компьютер и минут за двадцать пишет рассказ. Я не могу назвать себя его поклонницей, не могу сказать, что он мой любимый автор. От его рассказов мне не уютно, они заставляют думать и чувствовать то, что не хочется. И этот был из той же серии. Про женщину, попавшую в аварию, а потом оказавшуюся в сумасшедшем доме. Как всегда, наперекор всему. Пока он читал, я слушала, и совсем отвлеклась от мыслей о сексе. Но, когда он закончил, ни о чем другом думать я уже не могла. Только в постель, только с ним.

– Как тебе?

– Мне понравилось. Я устала, пошла спать. Пойдешь в душ?

– Да! Спокойной ночи.

Ага, сейчас! Я разденусь, выключу свет, и спрячусь в одеяле на твоём дежурном диване. Ты придешь, а бежать будет некуда. Но ты не захочешь убегать, обещаю. И никогда об этом не пожалеешь.

Пока он битый час намывал свои шестьдесят пять килограммов, я думала о его рассказе. Даже не о нём, а о себе, как о музе. Он иногда пишет обо мне, скрывая и приукрашивая. Но когда-нибудь он прочтет все, что я написала о нём, о

нас, о себе, и напишет роман. Без маскировки. Я ему заранее разрешаю.

Я уснула, как дура. Он провел ночь в моей маленькой кровати. Ничего не спросил, ничего не сказал. Чрезмерно солнечное утро громко кричало, что момент упущен. Может быть, навсегда. Но роман он напишет. Нет, не про нас – про меня. Ему не отвертеться.

Соавторы

Лена открыла почту. Письмо: «Здравствуйте, Елена». Здравствуйте-здравствуйте...

«Уважаемая Елена, меня зовут Марк. Это письмо отправлено через форму «Написать автору» с литературного сайта, где Вы публикуетесь. Так что понятия не имею, получили ли Вы его. Надеюсь, что получили. В первую очередь, разрешите выразить Вам свое искреннее восхищение. Я часто посещаю подобные сайты, но, поверьте, никогда не читал таких замечательных рассказов. Впрочем, мое литературное образование не ограничено интернетом. И я уверен, что со временем Вы займете достойное место среди профессионалов. Елена, у меня к Вам предложение. Я, как и Вы, пишу. Признания пока не получил, но стремлюсь к этому. Раньше публиковался в интернете, но теперь закрыл все авторские странички. Не хочу, чтобы рейтинги и рецензии отвлекали от творчества. Сейчас работаю над одним очень интересным проектом. Идея объективно новая и необычная, но мне чего-то не хватает. Не могу сказать, что я полная бездарность. У меня неплохой язык, да и с логикой изложения нет особых проблем. Но, читая Ваши произведения, я понял, что мне не хватает Вас! Точнее – Вашего литературного таланта. Ваши диалоги изумительны, описания –

волишебны. Искристый, легкий юмор. Рассказы дышат жизнью, любовью, надеждой...это то, чего нет у меня. Елена, предлагаю Вам быть моим соавтором. Уверен, с моей идеей и Вашим даром мы добьемся многого. Если согласны, напишите. Я вышлю черновик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.